СИМВОЛ РОССИИ

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВ
СЕРГЕЙ ШУМОВ

СОЛОВКИ

МОНАСТЫРИ НА ОСТРОВАХ

Символ России

Александр Андреев

Соловки. Монастыри на островах

«Алисторус»
2025

УДК 726.71
ББК 86.372.61-647

Андреев А. Р.

Соловки. Монастыри на островах / А. Р. Андреев — «Алисторус», 2025 — (Символ России)

ISBN 978-5-00222-856-0

Книга посвящена двум выдающимся русским монастырям — Соловецкому и Валаамскому, играющим особую роль в духовно-религиозной жизни нашей страны. Эти святые места связаны с важными этапами становления русского православия. Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь, именуемый «русским северным Афоном» и «морским Синаем», возник в XV веке благодаря подвижничеству святых Савватия и Германа, выбравших суровые условия острова для своего служения Богу. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, основанный согласно легенде в X веке греческими монахами Сергием и Германом, стал символом духовного возрождения Севера Руси. Именно сюда, по преданию, добрался Святой Апостол Андрей Первозванный, установив первый христианский символ на земле древнего языческого поклонения. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 726.71
ББК 86.372.61-647

ISBN 978-5-00222-856-0

© Андреев А. Р., 2025
© Алисторус, 2025

Содержание

Часть первая. Соловки – русский Афон 6
Краткая история Ставропигиального первоклассного соловецкого монастыря 6
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Александр Андреев, Сергей Шумов
Соловки. Монастыри на островах

© Андреев А. Р., авт. – сост., 2025
© Шумов С. А., авт. – сост., 2025
© ООО «Издательство Родина», 2025

Часть первая. Соловки – русский Афон

Краткая история Ставропигиального первоклассного соловецкого монастыря

I

«И сие разумно буди вам: аще обрящу благодать пред Богом, то по моем отшествии обитель умножится паче, и соберется множество братий о любви Христовой, и наполнится место сие обилием духовным, и в телесных потребностях скудости не будет»[1].

На уединенных, удаленных на значительное пространство в Белое море Соловецких островах[2] вот уже почти пятьсот лет существует пользующаяся большою известностью среди русских православных людей Соловецкая обитель, славная трудолюбием и аскетизмом иноков, пережившая много исторических событий и сохранившая драгоценные памятники протекших веков. Обитель Соловецкую называют «русский северный Афон»[3], «морской Синай»[4]. Безлюдны, пустынны были до XV века эти крайсветные Соловецкие острова[5] с мрачною, суровою природою, почти восемь месяцев окруженные плавающими льдами и полгода покрытые снегом; только «студеное» море, неприветливое, бурное, шумом своих могучих волн, да сильные ветры нарушали тоскливое безмолвие. Пустынность Соловецких островов, с их первобытною природою, полною грозных сил и явлений, непривычная воображению мирского человека, была полна дивных красот, как нельзя более соответствовавших пустынножительному миросозерцанию святых отшельников. Это привлекло сюда первого инока Савватия. «Слышав же, – пишет жизнеописатель пр. Савватия, – о острове Соловецком, на море-окиане, иже отстоит от брега два дни плавания; бяше же в то время остров оный пуст, не населяемый человеки, преподобный порадовался духом, и желанием зельным обеят бысть, еже ити тамо и вселитися на безмолвие»[6]. Жаждавший полного уединения и ничем не нарушаемой тишины, преподобный, постриженик Кирилло-Белозерского монастыря, оставив Валаамскую обитель, где он подвизался «со всяцем смирением и кротостию зельною»[7], и с трудом пробираясь по девственным лесам и непроходимым дебрям, достиг берегов Белого моря. Сведения, полученные здесь

---

[1] Жития и чудотворения преп. Зосимы и Савватия. М., 1889, с. 20.

[2] Главные из группы Соловецких островов: 1) собственно Соловецкий, затем 2) Анзерский, 3) Муксаломский большой, 4) Муксаломский малый, 5) Заяцкий большой и 6) Заяцкий малый и несколько других, меньшей величины безымянных островов. Остров Соловецкий имеет в длину от севера к югу 21 версту, а в ширину от востока к западу 15 верст. Соловецкий монастырь находится, по определению, произведенному полковником Мякишеевым в 1884 г., под 65°124' сев. шир. и 35°42' вост. долг. от Гринвича (определено положение главной колокольни в монастыре). Расстояние от монастыря до г. Архангельска 350 верст, ближайшее же к материку(Орлов нос): от монастыря 50, от острова Муксалмы 35 верст. Историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря архимандрита Дорофея. М., 1836. Ч. 1, с. 9–10.

[3] «Соловецкий монастырь во многих вещах подобится первому монастырю святогорскому – лавре. Такожде и первенствует на острове своем, якоже первенствует лавра в святой горе, и основанием долог, якоже лавра: подобен такожде и на трое прегражден: но град большой имать от лавры: такожде и на море зрит, якоже лавра». Сказание о Соловецком монастыре и Афонской горе. Рукоп. Киев. Акад. 1.1. 39. Петр. Киев. Дух. Акад. 1877. 3. Н.П.

[4] Истина св. Соловецкой обители против неправды челобитной наз. Соловецкой о вере Игнатия, арх. Воронежского. Изд. 2. СПб., 1847, с. 5.

[5] «Не населяемые бе человеки» – говорил жизнеописатель прп. Зосимы и Савватия о Соловецких островах «от древних лет, отнели же солнце на небеси сиять нача». Цит. по: Жития преп. Зосимы и Савватия, с.19.

[6] См.: Жития преп. Зосимы и Савватия. С. 2. Жития святых Российской Церкви. М. Сентябрь. СПб., 1855. С. 9–16.

[7] Иером. Пимен. Валаамское слово о Валаамском монастыре. Исторический очерк. Изд. 3. СПб., 1880. С. 11.

Савватием от местных жителей о необитаемости и непригодности для поселения Соловецких островов, укрепили его еще более в желании поскорее увидеть место, куда стремился он. На вопросы побережных жителей о том, «чем он будет питаться и одеваться на островах, когда он так слаб и дряхл», Савватий отвечал им с твердым упованием, что у него «такой Владыка, который дряхлости дает свежие силы и голодных питает до сытости». Преподобный пришел на реку Выг, где в то время уже подвизался инок Герман, «питомец Валаамского монастыря»[8]. Преподобный Савватий с Германом, взяв с собою необходимые жизненные припасы и земледельческие орудия, переправились через море; пристав к Соловецкому острову, в версте от берега, они водрузили крест и поставили келию в 1429 году. Так положено было начало иноческой жизни на Соловецких островах[9].

Шесть лет провели св. отшельники на Соловецком острове в непрестанных трудах и молитвенных подвигах, «умом к Богу приближающеся»[10]. Попытка в это время со стороны корельских насельников завладеть островами и нарушить иноческое безмолвие, по преданию, была предупреждена небесным явлением: два ангела, явившись жене одного поселившегося на острове с семейством корела, вблизи келии преподобного, наказали ее, – «биюще, же, глоголаша: отеидите от места сего, не достоит бо вам зде быти – на пребывание иноком сие место Бог устроил»[11].

На шестом году пребывания преподобный Герман удалился с острова на берег к реке Онеге. Преподобный Савватий, извещенный свыше о близкой кончине и движимый духовною жаждою приобщения Святых Таин, оставил остров; переплыв в небольшой лодке через море, он прибыл к реке Выг, где, близ волости Сороки, сподобился причащения Св. Таин Тела и Крови Христовой от некоего, случайно встретившегося с ним игумена Нафанаила. Молитвою и богомыслием приготовился преподобный к отшествию из этого мира. Савватий скончался 27 сентября 1435 года и был погребен при молитвенном храме игуменом Нафанаилом и новгородским купцом Иоанном, случайным очевидцем кончины преподобного.

С кончиною преподобного не умерло святое подвижничество на пустынных Соловецких островах. Продолжателем его подвигов явился другой любитель безмолвия – Зосима.

---

[8] Архим. Досифей говорит, что в книге «Сад Спасения», хранящейся в ризнице Соловецкого монастыря, упомянуто, что Герман родом был из града Тотьмы, но об именах и состоянии родителей, также о времени и месте его пострижения неизвестно. (Ист. оп. Сол. мон. С. 66.) Можно думать, что местом пострижения его был Валаамский монастырь, так как Валаамский иером. Пимен прямо называет его «питомцем Валаамского монастыря» (Валаам, слово о Вал. монаст. С. 11.)

[9] Время основания Соловецкого монастыря указывают различно. Архим. Досифей в «Истор. опис. Сол. мон.», с. 43, и арх. Мелетий в «Историч. опис. ставропигиального Соловецкого монастыря» (М., 1881. С. 2) считают временем основания монастыря 1429 г. Другие относят основание монастыря к 1437 г. (Колгин М. А. Ссыльные и заключенные в остроге Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв… Истор. очерк. Русская Старина. 1887. Окт. С. 46) или ко времени около 1440 г., не указывая определенно года (Сырцова И. Я. Соловецкий монастырь пред возмущением монахов-старообрядцев в XVII столетии. Казань, 1870. С. 3). Указанная разница в определении года основания Соловецкого монастыря объясняется, очевидно, тем, что первые два автора понимают основание монастыря в смысле первого появления на островах иноков, огласивших остров молитвенным служением Богу; последние же приурочивают основание монастыря ко времени появления на Соловках преп. Зосимы, который положил прочное основание обители и сообщил ей определенную организацию. Но упускать из виду шестилетнее пребывание на островах преп. Савватия, своими подвигами указавшего другим подвижникам вожделенное место для безмолвия, нет никаких оснований, а посему естественно считать преп. Савватия и первым основателем Соловец. монастыря. Преосв. Макарий пишет: «Основание Соловецкой обители положили два св. старца Герман и Савватий, но только ж основание. А истинным создателем ее должно признать, по всей справедливости, преп. Зосиму». Ист. Рус. Церкви. Т. 2. Кн. 2. СПб., 1874. С. 40.

[10] Жития преп. Зосимы и Савватия. С. 4.

[11] Там же. С. 5.

Соловецкие Чудотворцы: св. прп. Герман, св. прп. Зосима, св. прп. Савватий

Сын богатых земцев из смелых новгородских выходцев, Гавриила и Варвары, поселившихся в деревне Толвуе, близ Онежского озера, Зосима еще в юных летах принял монашество,

вероятно, в Палеостровском монастыре, находящемся вблизи его родины. По смерти родителей, раздав имение их неимущим, он пошел на север искать пустынных мест для иноческих подвигов. В Сумском посаде он встретился с Германом, который и рассказал ему об удобствах Соловецких островов для безмолвной иноческой жизни и о подвигах Савватия. Восхищенный этим рассказом, Зосима уговорил Германа идти с ним опять туда, где он жил и подвизался с Савватием. Попутный ветер принес их в спокойную маленькую бухту, где у самого берега они увидели глубокое озеро с пресной водой. Неподалеку от этого озера и избрано было преп. Зосимою место для поселения и построена деревянная келия, в 1436 г. она была в двух верстах от нынешнего монастыря; Герман же поселился в полуверсте от него, чтобы не препятствовать друг другу в молитвенных подвигах и не нарушать безмолвия. Пустынники молили Господа благословить жительство их. Однажды преп. Зосима, выйдя из келии, увидел необыкновенный свет, озаряющий всю окрестность, и на воздухе прекрасную великую церковь. Удивленный видением, он поспешил в келию. Герман, заметив перемену в лице своего сожителя, спросил о причине этой перемены. Выслушав рассказ Зосимы о виденном, Герман сказал: «Не ужасайся и будь внимателен, мне кажется, что чрез тебя Господь соберет множество монахов». По встретившейся нужде Герман отправился на материк; противные ветры задержали его там на целую зиму, и преподобный Зосима остался один на пустынном острове, продолжая, со всем рвением своей пламенеющей к Богу души, подвиги благочестия. Нелегка была жизнь благочестивого пустынножителя при скудости телесной пищи и среди искушений духов злобы, много смущавших его; только непоколебимая надежда на благого Промыслителя укрепляла его духовные силы в понесении молитвенных трудов. И Бог не оставил своего избранника, чудесным образом ниспослав ему утешение: двое неизвестных мужей, явившись Зосиме, оставили принесенные ими хлеб, муку и масло и тотчас стали невидимы. Преподобный уразумел, что Бог, не оставляющий надеющихся на него, чрез ангелов своих промыслил о нем; обрадованный духом, он с новыми силами продолжал свои подвиги в пустынном одиночестве. Весною прибыл на остров и Герман с жизненными припасами и рыболовом Марком, поселившимся с отшельниками.

Мало-помалу к благочестивым инокам стали приходить другие ревнители подвигов благочестия и строить себе келии около келии преподобного Зосимы. Когда число их увеличилось, они построили малую, деревянную церковь, в честь Преображения Господня, с приделом во имя святителя Николая, на том месте, где было чудесное видение ее преподобному Зосиме[12], и послали одного из своей братии к Евфимию, архиепископу Новгородскому, просить антиминс и церковную утварь для новосозданной церкви, а также и о назначении настоятеля для обители. Владыка, расспросив посланного о новой обители «на море-окиане», удивился, как могут так далеко селиться люди, в край земли Мурманской и Каянской, и как там быть церкви. Архиепископ, сомневаясь в возможности жить там, не сразу исполнил просьбу отшельников, а по другим сведениям – впоследствии уже его преемник Иона прислал новоустрояемой обители «благословенную грамоту», антиминс и игумена Павла, которым и была освящена церковь. Но игумен Павел, равно как и следующие за ним настоятели Феодосий и Иона, не долго оставались на пустынных Соловецких островах; Павел не мог, как замечает жизнеописатель Зосимы, «стерпеть пустынного труда»[13] и вынести сурового климата. Несмотря на короткое время настоятельства первых трех игуменов, Соловецкий монастырь по просьбе их получил в Поморье от богатых новгородцев несколько участков земли с рыбными и другими угодьями; монастырские приобретения утверждены были вкладною крепостью, на имя игумена и старцев данною знаменитой Марфой Борецкой, новгородской посадницей[14], и грамотой от всех

[12] Жития преп. Зосимы и Савватия. С. 12. Летописец Соловецкий. Изд. 3. Архим. Досифея. М., 1893. С. 8.

[13] Там же. С. 17.

[14] Вот грамота Марфы Борецкой, особенно достопримечательная, как замечает архим. Досифей, по отношению к историческому лицу знаменитой Посадницы: «Се яз Марфа, Исака Андреевича жена, и сын мой, Федор Исаков, дали есьмя в дом Святому Спасу и Пречистей Его Матери и Святого Николы на Соловки игумену Ионе и старцом, на море; в Суме реке у

пяти концов Великого Новгорода, предоставившей право «тыми островами (Соловки, Анзеры, Муксами и Заяцким островами и малыми островки) и землею, и водою, ловищами и тонями, пожнями володети игумену и всем старцем Св. Спаса и Св. Николы по сей жалованной грамоте на веки»[15].

Так как присылаемые игумены не могли долго уживаться в монастыре, а между тем для новосозданной обители, начинавшей только что устроять внутреннюю жизнь братии и устанавливать внешние отношения к новгородским владыкам и боярам и поморским насельникам, необходим был опытный и постоянный руководитель, то братия решила избрать настоятеля из своей среды. Общий голос братии победил смирение Зосимы, и он, будучи вызван архиепископом, отправился в Новгород – там принял священство и игуменство (1452). Тогда многие из новгородских бояр пожертвовали в новый монастырь серебряные сосуды, богатые церковные ризы и съестные припасы. Так как в то время новгородцы готовились к борьбе с Московским Государством и находились в большой тревоге, страшась будущих событий, то смиренный любитель безмолвия поспешил возвратиться в обитель. Велика была радость братии при встрече своего желанного игумена. В первое же священнодействие преподобного Зосимы Господу угодно было показать всей братии, что их настоятель – избранный сосуд благодати Божией. Когда он совершал литургию, повествуется в житии его, то братия с удивлением заметила, что лицо преподобного сияло необыкновенным светом, а в храме ощущалось особенное благовоние. После литургии иноки были свидетелями другого дивного чуда. Преподобный Зосима дал просфору бывшим при богослужении купцам, которые по неосторожности обронили ее на дороге. И вот, когда пес покушался схватить ее, то огонь, восходивший от просфоры, препятствовал ему. Все это усугубило уважение братии к своему настоятелю и содействовало ему более успешно проводить в иноческую жизнь возвышенно-христианское учение о самоотверженной любви к ближним. Соловецкая обитель устроялась постепенно, и слава о ней и ее приветливом и благочестивом настоятеле – Зосиме быстро распространялась. «Обитель всеми исполняшеся и братство умножашеся и место распространяшеся: иереи приходяще ту священнодействоваху, и диаконы и клирицы, и келии мнози здахуся. И добродетельного ради жития блаженного Зосимы пройде слава о нем всюду, и мнози любовью желающе жительствовати у него и слышати от уст его слово спасения и от окрестных стран приходяще иноцы и хотяху пребывати с ним. Он же яко чадолюбивый отец с радостию всех приимаше»[16]. Вместе с этим Соловецкий монастырь сделался рассадником христианского просвещения и благочестия на Крайнем Севере. «Донеле же не вселишася (преподобные Савватий и Зосима), – пишет Максим Грек в предисловии к житиям Соловецких чудотворцев, – в пустынный оный оток (остров), дотоле тамо по тонну слышашеся имя Христово. Ныне… не токмо бо округ острова того истиннии богочетцы и Христовы поклонницы быша, но благодатию Божиею мнози языцы иноверии обратишася… православная вера распространися более трех тысящ от Соловецкого острова и до Варяжского некоего града, зовомого Варгав»[17]. Слава святых подвигов преп. Зосимы привлекла в монастырь многих из языческих племен – финнов, чуди, лопи, каян, мурман и других, живших доселе, подобно зверям, в пещерах и каменистых расселинах, и они,

часовни два лука земли, где Парфенка да Першица живут, и на той земли деревни стародомыи, и пожни и лесе полешей, и ловища водные и лешие озера; тыи два лука в дом Святого Спаса и Пречистые Его Матери и Святого Николы по сей данной моей грамоте володети игумену и старцом во веки; а поминати им мужа моего Исака, и родителей моих, да и детей моих, а ставити им обед на Дмитриев день». (Историческое описание Соловецкого монастыря архимандрита Досифея. Ч. I. С. 47.) Хотя год грамоты и не обозначен и в ней упомянут игумен Иона, а не Зосима, но из слов «дали есьмя в дом Святому Спасу и Пречистей Его Матери и Святого Николы на Соловки» следует заключить, что она дана в игуменство преподобного Зосимы, когда были построены два последних храма; Иона же, его предшественник, проживавший в то время в Новгороде, был лишь ходатаем о пользах обители.

[15] Жития Зосимы и Савватия. С. 50.

[16] Русская церковь в Сев. Поморье (в XV–XVIII вв.). С. 18. Пр. Соб. 1860. Ч. 2.

[17] Яхонтов. Жития св. северорусских подвижников. С. 7.

озаренные светом Христовой веры, оставались в обители, где «остризаху власы главы своея и бываху мниси»[18].

С увеличением числа братии прежняя церковь Преображения Господня оказывалась тесною; поэтому старанием Зосимы сооружена была новая, просторная церковь в честь Преображения Господня с трапезою, а потом и другая – в честь и память Успения Божией Матери; устроены были также новые келии и другие монастырские службы, необходимые при увеличивавшемся братстве. Устроив и расширив монастырь постройками, преп. Зосима дал братии устав, определивший жизнь иноков как членов общежития, для которого образцом послужил устав Иерусалимский, видоизмененный, сообразно с местными условиями пустынной обители. Основные черты этого устава сохранились и до настоящего времени. Трапеза по уставу должна быть общая; одежду иноки получают из казны; келии разрешалось покупать, а кто не мог купить, жил в казенных; иеромонахам и братии доходу не полагалось, так как все необходимое выдавалось им из казны[19].

Устроитель монастыря преп. Зосима с братией вспомнил и о Савватии, первом подвижнике на Соловецких островах, и много сетовал, что мощи его покоятся далеко от них, в пустынном месте. В это время он получил послание от игумена и братии Кирилло-Белозерского монастыря, советовавших «поспешить со тщанием перенести мощи блаженного к себе»[20]. Послание, признанное соловецкою братией «не от человеков, но от Бога», побудило Зосиму отправиться к реке Выг. Здесь он открыл нетленные останки преп. Савватия – «бесценный дар, обогативший духовно Соловецкую обитель». Мощи, перевезенные Зосимой в Соловки, еще более увеличили религиозное значение Соловецкого монастыря среди окрестных жителей[21].

Возбуждаемые завистью жители Поморья, видя расширение владений монастыря и приобретение им новых угодий и зная, что острова были отданы «в вечное» владение монастырю, продолжали свои посещения острова, чтобы ловить рыбу, высказывая угрозу разрушить монастырь и изгнать иноков. В числе оспаривавших монастырское достояние были и люди известной вдовы посадника Марфы Борецкой. Несмотря на глубокую старость, Зосима сам отправился в Новгород, чтобы раз навсегда решить вопрос о правах монастыря на владение островами и близлежащими землями. С этою целью он явился к архиепископу и другим важнейшим лицам, управлявшим Новгородом[22]. Когда он пришел к Марфе Борецкой искать управы на ее людей, она не приняла его и велела прогнать. Тогда Зосима сказал сопровождавшим его ученикам: «Се дние грядут, в няже жителие дому сего не исследят стопами своими двора сего и затворятся двери сего дому, и к тому не отверзутся, и будет двор сей пуст»[23]. Архиепископ с боярами, обсудив жалобу Зосимы, вручил ему грамоту на владение островом за печатями: владыки, посадника, тысяцкого и пяти концов Новгорода. И бояре щедро одарили игумена церковною утварью, золотом, серебром и жизненными припасами, с обещанием и на будущее время не оставлять обитель своею помощью. Раскаялась и Марфа. «Я напрасно на

---

[18] Русская церковь в Северном Поморье. С. 19.

[19] В древнем Соловецком типике Устав кратко изображен такими словами: «Игумен и священницы и соборные старцы и вся братия едят и пиют в трапезе; ества всем ровна, а по келиям опричь немощной братии, отнюдь столы не бывают. Из трапезы выносу естве и питию не бывает. Одежду всякую и обувь дают всем из казны, а келии священницы и братия кому изойдется покупают, а которые не купят и они в казенных живут. А доходу священникам и братии, служебником в монастыре, и по волостем и по приказом и по всем службам указанного нет ни которово, потому что всем всякая потреба из казны». Ист. опис. Сол. мон. Архим. Досифея. 1886. Ч. I. С. 222.

[20] Жития святых Росс. Церкви. Сентябрь. С. 18–29.

[21] К этому времени был написан в Новгороде усердием братьев Иоанна и Феодора образ преп. Савватия. Жития святых Росс. Церкви. Сентябрь. С. 30.

[22] История этого посещения изображена в целом ряде фресок на колонне Софийского собора в Новгородском кремле. Один рисунок особенно поразителен: он изображает пир в богатой зале, где стол окружен боярами без голов. Соловецкий монастырь и его святыни. Издание редакции журнала «Досуг и дело». СПб., 1884. С. 50.

[23] Жития и чудотв. преп. Зосимы и Савватия. С. 22–23.

него гневалась, – сказала она, – мне наговорили, будто он мою вотчину отнимает». Она послала просить прощения у Зосимы и умоляла его прибыть к ней в дом на обед. Преподобный, не памятуя обиды, изъявил свое согласие. Во время обеда Зосима, взглянув на бояр, сидевших за столом, смутился и заплакал. По окончании стола Марфа еще раз просила прощения и молитв за себя и за детей, вручив ему вкладную крепость на владение землями и рыболовными тонями в поморки. «Се дает Марфа Исаковска, Великого Новгорода Посадница», говорится в грамоте, «в дом Святому Спасу на Соловки игумену Зосиме и всем священницам и старцем вотчину свою по морскому берегу, рыбная ловища, землю, и воды, и пожни, и лешей лес от Умские межи, от Кашкаранского ручья до красные щелейки и тони, тоню каменную, тоню Кашкаранской наволок, тоню точильный ручей, куды я володела Марфа, туды володети и игумену Зосиме и священницам и старцем во веки. А кто мою вотчину у Игумена Зосимы и у старцев отеимет или станет вступатися; и мне с ним судитися пред Христом. А у данные сидел отец мой духовной Софийской поп Иосиф да Олексей Бархатов, а данную писал сын мой Феодор Исаков. Лета 6978 (1470)»[24].

По выходе из дома Марфы преподобный на вопрос ученика своего Даниила о причине плача и грустного безмолвия за столом посадницы ответил, что он видел бояр за трапезой, а голов на них не было. Один из бояр Памфилий, узнавший тайну видения, принял иночество, убегая от беды, грозившей Новгороду[25].

Получив грамоту, прекращавшую хищнические попытки поморских жителей присвоить монастырские земли, Зосима возвратился в монастырь. Чрез несколько времени в уединенную обитель дошли страшные вести. После Шелонского поражения (1471) многие из новгородцев были казнены; в том числе казнены бояре, сидевшие за столом посадницы во время посещения Зосимы. Прошло еще несколько лет. Зосима, чуждый всего земного, от непрестанных трудов подвижничества и забот по устройству монастыря уже ослабевал. Новая, страшная весть смутила его покой; вследствие новых смут в Новгороде окончилось независимое существование новгородской общины; архиепископ Феофил был низложен; несколько тысяч влиятельных семейств, в том числе и Марфа Борецкая с детьми, были переселены в Москву (1478). Сбылось страшное пророчество Зосимы: запустел двор Марфы-посадницы, и не стало его обитателей. Недолго пережил Зосима горе, постигшее Новгород. Достигнув старости, маститый преподобный Зосима устроил себе гроб и часто со слезами смотрел на него, памятуя предстоящую смерть. Чувствуя приближение кончины, он призвал братию и сказал ей: «Вот я отхожу из этой временной жизни, а вас предаю всемилостивому Богу и Пречистой Богородице; скажите, кого желаете иметь игуменом вместо меня?» Все со слезами говорили своему умирающему игумену: «Мы хотели бы, отец наш, с тобою быть погребенными, но это не во власти нашей; пусть же Тот, Кто возвестил тебе отшествие из этой жизни, Христос Бог наш, даст нам чрез тебя наставника, который управлял бы нами ко спасению; да почиют над нами благословение и молитвы твои, – позаботившись о нас в этой жизни, не оставляй нас сирыми по отшествии твоем к Богу». Преподобный отвечал: «Я сказал вам, дети, что предаю вас в руки Господа и Пречистой Богородицы, а так как вы относительно игумена возложили свое упование на Бога, Пречистую Богоматерь и мое смирение, то да будет вам игуменом Арсений – он способен к управлению монастырем и братиею», – этими словами преподобный Зосима вручил игуменство благочестивому иноку Арсению. «Вот я поставляю тебя, брат, строителем и управителем св. обители этой, и всей братии, собранной любовью к Богу. Берегись, чтобы не утратилось что-либо из монастырских законоположений, как-то: относительно соборной церковной службы, ястия и пития в трапезе, и других монастырских обычаев, установленных мною; пусть все это будет целым и ненарушимым. Господь да направит стопы ваши к деланию заповедей своих,

[24] Соловецкий летописец. С. 17.

[25] Костомаров Н. Русская История в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Вып. I. СПб., 1873. С. 238.

молитвами Пречистой Госпожи Владычицы нашей Девы Богородицы и всех святых, а также и угодника своего преподобного Савватия. Господь наш Иисус Христос да защитит вас от всех вражеских наветов и утвердит в божественной любви. Я, хотя и разлучаюсь от вас телом, отдавая долг природе, но духом пребуду с вами неотступно. Вы узнаете, что я обрел благодать пред Богом, когда, по моем отшествии, обитель распространится, соберется множество братии, это место процветет духовно и в телесных потребностях не будет иметь скудости». Сказав это братии, он целовал их в последний раз, всех благословил, с воздеянием рук молился о монастыре, своей духовной пастве и о себе; наконец произнес: «Мир вам!» Затем, возведя очи свои горе, молился: «Владыко Человеколюбче, сподоби меня стать одесную Тебя, когда Ты придешь во славе судить живых и мертвых и воздать каждому по делам»; потом возлег на одр и предал душу свою Господу. Это было 17 апреля 1478 г.[26] С горьким плачем и скорбию погребла братия горячо любимого игумена за алтарем церкви Преображения Господня, где впоследствии было сооружено надгробие и поставлены святые иконы. Скоро осиротевшая братия ясно убедилась, что преподобный Зосима невидимо присутствует с ними и печется о них. Ученик его Герасим в один воскресный день, после утрени, видел его идущим от гробницы преподобного Савватия к своей. Оглянувшись, преподобный сказал: «Подвизайся, чтобы получить награду за труды». В Великий Четверток, когда иноки подходили к принятию Святых Таин, преподобный Зосима сказал ему: «Иди и ты причастись», – и затем стоял у Св. Даров, пока причастились все. Не раз получали чудесную помощь в трудные минуты жизни по молитвам преподобного и вне обители обращавшиеся к нему с усердною молитвою. Инок Митрофан рассказывал, что, будучи еще мирянином, по торговым делам однажды плыл он по морю и был застигнут бурею; тридцать дней ветры носили лодку по бурным морским волнам, гибель, по-видимому, была неизбежна. В таком беспомощном состоянии Митрофан со спутниками в усердной молитве призвали на помощь преподобного Зосиму, который, явившись к ним, стал управлять судном, удерживая волны полами своей мантии, пока лодка благополучно доплыла до берега[27]. Нетленные останки угодника Божия сделались предметом благоговейного почитания православных русских людей. Московский собор, бывший при митрополите Макарии в 1547 году, положил наряду с другими отечественными святыми совершать память преп. Зосимы 17 апреля, а преподобного Савватия 27 сентября.

При мудром управлении и неусыпных трудах Зосимы пустынные Соловецкие острова оживились: застучал топор, закипела строительная деятельность монастыря, заведены были соляные варницы, ставшие впоследствии одною из главных доходных статей для существования монастыря. «И тако от своих трудов, – замечает писатель жития преподобных Зосимы и Савватия, – иноки в поте лица своего кормляхуся»[28].

Хозяйственное состояние обители при жизни преп. Зосимы Спиридон, митрополит киевский, описывает так: «И дров множество секущи готовляху, и воду от моря черпаху, и тако соль варяху, и взимаху от них всякое орудие на потребу монастырскую, и в прочих делах трудяхуся, и рыбную ловитву творяху: благоугодно место сие в составление монастыря»[29].

Последующие за Зосимою игумены твердо стояли на страже интересов обители, заботливо исполняя предсмертный завет преподобного о твердом хранении устава и порядков обители. Преемником Зосимы, согласно его воле, был избран Арсений, «муж добродетелен, искусен, доволен ко управлению монастыря и братии»[30].

---

[26] Соловецкий патерик. М., 1895. С. 31–33.

[27] Жития и чудотв. преп. Зосимы и Савватия.

[28] Ист. опис. Сол. мон. архим. Досифея. Ч. I. С. 61.

[29] Ист. опис. Сол. мон. архим. Досифея. Ч. I. С. 61.

[30] Жития и чудотв. преп. Зосимы и Савватия.

Настоятельство Арсения продолжалось два года (1478–1479). В это время преп. Герман – сожитель преп. Савватия и Зосимы, посланный по монастырским делам в Новгород, скончался в обители св. Антония Римлянина. Ученики его везли тело почившего в Соловецкий монастырь, но за распутицею оставили его на берегу реки Свири. у часовни деревни Хавроньиной.

С падением Новгорода Соловецкий монастырь стал в ближайшую зависимость от великих князей и царей московских. С этого времени великие князья и цари московские с особенною любовию и вниманием относятся к Соловецкой обители, заявляя о своем усердии к ней: то – значительными денежными пожертвованиями, богатыми вкладами драгоценных вещей, церковной утвари и книг, то – грамотами, подтверждавшими старые права и привилегии обители или же дававшими во владение ей новые угодья и новые права ее игуменам, «своим богомольцам». Так, в 1479 г. великий князь Иоанн Васильевич, в игуменство Феодосия, дал монастырю грамоту, которою подтверждалось за обителью «Спаса и Его Пречистой Матери и Святого Николы» право владеть всеми островами и угодьями, – под страхом княжеского гнева тем новгородским боярам и «детям корельским», которые вздумали бы изъявить притязание на иноческое владение. (Грамота эта подтверждена в 1507 г. великим князем Василием Иоанновичем[31].)

После Феодосия был поставлен игуменом ученик преп. Зосимы Досифей. Этот священноинок отличался особенною любовью к чтению и ревностному собиранию книг для Соловецкой обители, так что по справедливости может быть назван основателем библиотеки Соловецкого монастыря.

По нуждам обители Досифею пришлось быть в Новгороде. Новгородский архиепископ Геннадий, интересовавшийся устройством Соловецкого монастыря и жизнию настоятелей, просил Досифея написать житие и чудеса основателей обители – Зосимы и Савватия. «Мне же грубу сущу, – говорит Досифей, – и недовольну смыслом на сие великое дело и много отрицающумися, он же рече: елико вразумееши, напиши мне памяти ради… Аз же от архиепископа приим благословение, Богу поспешествовавшу ми молитв ради преподобных отец наших Зосимы и Савватия, написах памяти ради, елико возмогох и удержа мя архиепископ у себя не мало лет»[32]. Любознательный инок не терял напрасно времени и воспользовался своим пребыванием в Новгороде для того, чтобы ознакомиться с книгами в древних новгородских книгохранилищах; выбирая лучшие древние подлинники и списывая книги, он пересылал их в Соловецкий монастырь.

Польза таких занятий Досифея особенно видна из того обстоятельства, что в то время богослужебные книги были употребляемы рукописные, а потому между книгами, переписанными по его распоряжению, много было церковных. Так, на одном рукописном Соловецком уставе (1128), писанном в 1494 году, вероятно в Новгороде, по распоряжению Досифея есть следующая приписка: «Списашеся сия книга повелением многогрешного и недостойного и худого во иноцех священноинока Досифея, а послал есмь в дом святаго храма боголепного Преображения три книги: Устав, да Минею-четью сентябрскую, да книгу Иоанна Златоустого, а прежде того летом послал есмь книгу правил св. Апостол и св. Отец, да Пророчества, да Маргарит, да Сильвестр, да Пчелу, да Феодора Студита, да Кузьму пресвитера, да Ивана экзарха, да Ивана Дамаскина, да Палею, да Василия Кесарийского, да Деонисия Ареопагита, да Анастасия, да Кирилла Иерусалимского, да Шестодневец Васильев, да Торжественник постный четьеи, да Апокалипса Иоанна Богослова, да плащаницу на престол, да праздники на налой. Того же лета дал есмь писати книгу Кирилла Иерусалимского, да Андрея Юродивого, да Минею октябрьскую четью, да и жития собрал». Отсюда видно, как деятельно Досифей занимался в Новго-

[31] Ист. опис. Сол. мон. архим. Досифея. Ч. I. С. 63, 64.

[32] Рук. Сол. № 175, Прав. Соб. 1859, ч. I. Библиотека Сол. мон. стр. 30–31. Впоследствии написанное Досифеем о жизни Зосимы и Савватия было изложено более стройно митр. Спиридоном, умевшим излагать «ветхое и новое». Жит. св. Росс. Церкви. С. 45.

роде собиранием книг, и притом как разнообразен его выбор. Этот ревнитель просвещения не просто только списывал книги, какие находил, но по возможности выбирал лучшие. Так, на одной рукописи соловецкой есть приписка: «Книгу сию взял на список у владыки „Беседа на новоявившуюся ересь“, а писана на харатии и есть ей за пятьсот лет». Эта книга заключает несколько сочинений, из которых первое Козьмы пресвитера – слово на богомилов. Все списки Досифея отличаются верною копировкою древнейших оригиналов. Кроме исчисленных книг, без сомнения, много и других прислано было в Соловецкий монастырь Досифеем, из которых иные сохранились и доселе.

С 1483 г. игуменом был Исаия. При нем были перенесены в Соловецкую обитель нетленные останки препод. Германа. Обитель, таким образом, приобрела третьего молитвенника и заступника. В игуменство Исаии Соловецкую обитель постигло большое несчастие. Пожар в 1485 г. истребил большую часть Соловецкого монастыря и его жизненных припасов. «Впав в крайнюю нищету, – рассказывает об этом событии современник его, старец Савватий, – мы недоумевали, – терпеть ли лишения, оставаясь на месте, или разойтись по разным местам. Одно утешение оставалось нам – притекать к мощам преп. Зосимы и Савватия и просить их о помощи и заступлении». Старец Макарий, бывший сподвижником преп. Зосимы и живший в пустыне, пришел посетить нас и утешал такими словами: «Не скорбите, братия! Потерпите с благодарением, возложив упование на Бога». На помощь пострадавшим откликнулись новгородцы и архиепископ Феофил, подаривший монастырю пустошь (Бобровскую гору) и при ней сельцо со всеми угодьями, а его преемник архиепископ Геннадий в 1491 г. освободил священно- и церковнослужителей Варзужской монастырской волости от церковных пошлин; монастырь быстро оправился от несчастия.

После 18 настоятелей, быстро сменивших друг друга[33], более продолжительное время управлял монастырем Алексей Юренев (1534–1548). В его настоятельство подтверждена Иоанном Васильевичем Грозным, в 1541 г., несудимая грамота, данная Василием Иоанновичем, по которой монастырь с принадлежащими ему крестьянами был освобожден от гражданского суда, за исключением уголовных преступлений. Право суда над крестьянами было предоставлено непосредственно настоятелю; сам же настоятель находился в ведении великого князя. Со времени Иоанна Грозного Соловецкий монастырь принимает самое близкое участие в общерусской жизни. О всех важных событиях князья считают необходимым извещать настоятелей, просят их молитвенной помощи в предприятиях против врагов, делая богатые вклады, а в тяжелые годины государственных бедствий обращаются к обители за материальною помощью. Задумав поход против Казани, Иоанн Грозный посылает в Соловецкий монастырь деньги и письменно извещает настоятеля о своем намерении идти войною против казанцев: «Вы б, господине, молили Господа Бога и Пречистую Его Богоматерь и Великих Чудотворцев о здравье и тишине всего православного христианства, и о Государеве согрешеньи… в церквах молебны пели и обедни служили, чтобы от недруга казанского дал Бог помощь и крепость и утверждение и победу над ним»[34]. Богатая помощь была оказана царем Иоанном Грозным и при вторичном пожаре, постигшем обитель по попущению Божию за то, что «имеющие власть в обители», как было открыто преп. Зосимою в видении старцу Леониду, «неправо поступают с братиею, а братия всегда ропщет и терпения не имеют и этим наводят гнев Божий на обитель». Иоанн Васильевич пожаловал три поморские деревни: Шижню с приходскою церковью Николая Чудотворца, Сухой Наволок и деревню Остров с соляными варницами и угодьями.

Особенно близкие и тесные отношения к Соловецкой обители царя Иоанна Грозного устанавливаются при игумене Филиппе.

---

[33] Имена их: Феодосий, Досифей, Исаия, Феодор, Евфимий, Антоний, Дорофей, Геласий, Пимен, Варлаам, Феогност, Кассиан, Вассиан, Корнилий, Филофей, Нафанаил, Филарет, Феодосий.

[34] Ист. опис. Сол. мон. Ч. I. С. 70.

Филипп происходил из богатого, знатного боярского рода Колычевых[35]. Отец его, боярин Стефан, был одним из самых приближенных бояр при Василии Иоанновиче, а мать его, Варвара, наследовала богатые владения Новгородской земли. Во время правления Елены Колычевы держались стороны князя Андрея, и с падением этого князя трое из них были казнены. Семейные скорби не могли не подействовать на душу юного Феодора, служившего в ратных и земских делах, и не усилить его стремления к уединенной жизни, вдали от мира. Правда, правительница ласкала его, а малолетний Иоанн отличал его от других своим расположением. Но мирские почести не прельщали Феодора; он на тридцать первом году своей жизни удалился от мира и принял монашество в Соловецком монастыре с именем Филипп. Можно думать, что причиною удаления Феодора от мира и предстоявшей ему блестящей будущности было недовольство тогдашнею жизненною средою в связи с расположением к благочестию и уединению. В Соловецкой обители благочестивые стремления Филиппа нашли себе полное удовлетворение. Наравне с другими он рубил дрова, копал в огороде землю, работал на мельнице, нередко при этом смиренно претерпевая обиды от строптивых людей, и затем проходил разные послушания: одно время был надзирателем монастырской кузницы и служил в хлебопекарне. С неустанными трудами Филипп соединял и молитвенные подвиги и удалялся для совершенного безмолвия в лесную чащу. Подвижническая жизнь Филиппа, его выдающийся ум и твердая воля заметно выделяли его среди братии, и, спустя десять лет по пострижении, он был единодушно избран братией игуменом монастыря в 1548 г., как «искусный житием и разумом».

Время настоятельства Филиппа было лучшим временем для Соловецкой обители. Если Савватий был первым иноком, пожившим на Соловецком острове в подвигах поста и молитвы, то Зосиму должно признать основателем и первым благоустроителем Соловецкой обители. В дальнейшем же благоустроении ее много потрудился св. игумен ее Филипп. «Во всей истории русского монашества, – говорит один исследователь русской жизни, – нет другого лица, которое бы при обычном благочестии столько же помнило обязанность заботиться о счастии и благосостоянии ближних и умело соединять с примерною набожностью практические цели в пользу других»[36]. Поставленный в исключительное положение, любимец царя Грозного, щедрого на подарки и милостыню любимым лицам, сам сын богатых родителей, св. Филипп не стеснял себя в материальных средствах для того, чтобы удовлетворить всем своим стремлениям и планам. Много трудов посвятил он на то, чтобы пустынный Соловецкий остров сделать возможно более удобным для обитания. Филипп прежде всего обратил внимание на улучшение содержания многочисленной братии[37]. Так как Соловецкие острова не доставляли монастырю никаких предметов продовольствия, кроме дров для отопления и рыбы на трапезу, а хозяйство монастырских волостей находилось далеко не в цветущем состоянии, то Филипп обратил внимание на главный источник доходов – солеварение, увеличив число варниц[38]. Он получил разрешение продавать 10 000 пудов соли беспошлинно (в 1548 г.). На вырученные деньги закупались предметы необходимости. Св. Филипп в заботах об удобствах устроил обширную больницу для недужных, возводил каменные постройки для келий, устроил кожевенный завод, развел рогатый скот, на Муксаломском острове соорудил на собственные средства каменную пристань, обезопасил входы в заливы, сделав насыпи и поставив высокие кресты, служившие указанием пути. В монастыре была построена водяная мельница; чтобы доставить колесам ее воду, игумен соединил 52 озера каналами, свел воду к монастырю, вблизи его выкопал огромный пруд, названный Святым озером, из которого и теперь монастырь получает в оби-

[35] Житие св. Филиппа, помещ. в Житиях святых Росс. Церкви. Январь. СПб., 1857. С. 50—130.

[36] Костомаров Н. Русская История в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Вып. II. СПб., 1873. С. 477–478.

[37] Интересно замечание об улучшении стола древнего соловецкого летописца: «При Филиппе игумене прибыли: шти с маслом да разные масленные приспехи, блины и пироги и оладьи, и крушки рыбные, да и кисель, да и яишница… стали в монастырь возити огурцы и рыжики». Там же. С. 31–32.

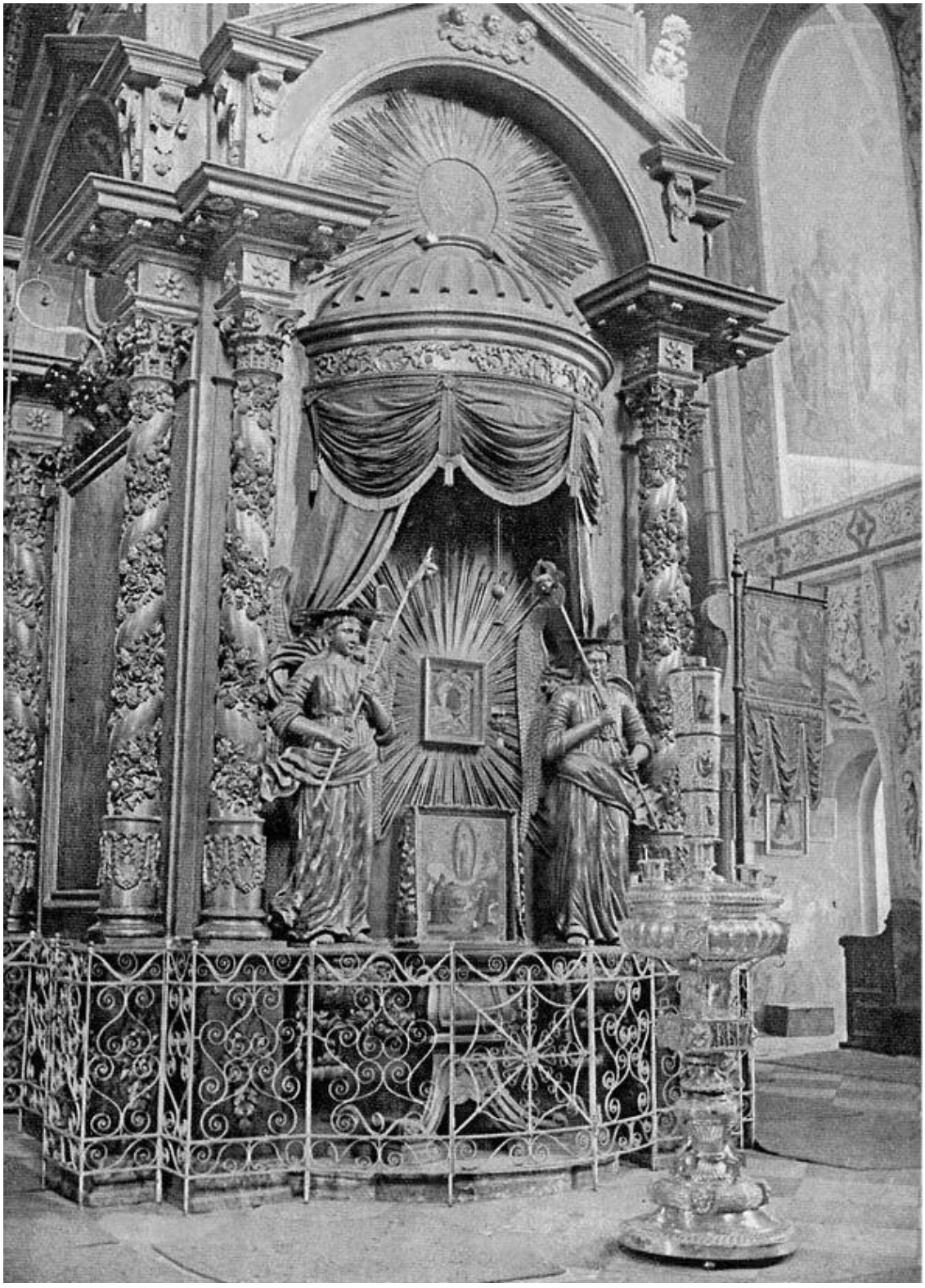
[38] Летоп. Сол. С. 24–25.

лии пресную воду. Много заботился св. Филипп и о благоустройстве монастырских вотчин, он ввел выборное управление между монастырскими крестьянами; приучив их к труду и порядку, он ограждал крестьян от произвола приказчиков и доводчиков строгим наказом последним «беречь накрепко своих крестьян на суде с посторонними людьми и ограждать слабого против сильного», «не обижать крестьянина или казака», угрожая в противном случае опалою и «отнюдь не иметь выборным лицам посулов на крестьянах»[39]; Филипп заботился о нравственности крестьян, искоренял среди них пьянство и тунеядство – словом, выказал резкие способности правителя над обществом мирских людей. Заявил себя Филипп также опытным и усердным строителем церквей. Для построения их он приглашал из Новгорода искусных каменщиков. Стараниями Филиппа воздвигнут прекрасный храм в честь и память Успения Божией Матери, устроен малый придел Усекновения главы Иоанна Предтечи, имя которого носил царь; в 1558 г. положено основание обширному и величественному храму Преображения Господня, сохранившемуся и до настоящего времени, с приделами в честь архангелов, Соловецких чудотворцев, двенадесяти и семидесяти апостолов, Иоанна Лествичника и Феодора Стратилата. Когда св. Филипп приступал к построению этого храма, то некоторые из братии, видя скудость монастырских средств для такого обширного сооружения, отклоняли его от задуманного предприятия. «Отче, – говорили они, – обитель терпит всякия нужды и недостатки, казна ее в оскудении, от городов мы удалены, помысли, откуда возьмем злата на совершение огромного храма?» – «Братия, – отвечал настоятель, – упование на Бога не обманчиво. Если угодно будет Господу наше дело, Он подаст нам от неоскудных своих сокровищ и дом святому имени Его воздвигнется несомненно». – «Пусть будет как изволишь, честный отче, – сказали прекословившие, – все, чего ты просишь у Бога, даст тебе Бог».

Соловецкий монастырь деятельностью Филиппа был приведен в цветущее состояние, и слава о нем пронеслась в дальние пределы русской земли. В монастыре получалась милостыня царская и народная. Особенно поражают своею ценностью и щедростью вклады царя Иоанна Грозного. Кроме недвижимых имуществ, они заключались в колоколах, богатой утвари и сосудах. От него были присланы напрестольные кресты из чистого золота, украшенные жемчугом и яхонтами[40]. Делались в обитель вклады и самим Филиппом.

[39] Житие святителя Филиппа. С. 75–76.

[40] Летоп. Сол. С. 18. Жития святых. С. 79. Из книг Грозным, между прочим, пожертвована книга «Иудейские древности» Иосифа Флавия.

Преображенский собор. Интерьер

Он пожертвовал дорогие иконы, серебряные стопки и много книг: три псалтыря, ирмологий с золотыми застежками, келейное Евангелие и Апостол, собственный его служебник, устав об иноческой одежде и др. Игуменство его продолжалось 18 лет. Он весьма много сделал не только для современного ему, но и для будущего благоустройства обители. Он был распорядительным хозяином, кротким правителем, мудрым наставником духовной деятельности иноков.

Уважение к мудрости и благочестию Филиппа побудило царя Иоанна Васильевича призывать его для участия в государственных делах. Известны два его путешествия в Москву, одно в 1550 г., по случаю составления Судебника, другое в 1551 г. для открытия Казанской епархии и для прославления святых земли Русской. Царь принимает благосклонно и отпускает его с новыми милостями[41].

В 1566 г. царь призвал св. Филиппа занять кафедру митрополита. С глубокою скорбью он должен был расстаться с обителью, в которой положил столько труда и любвеобильных попечений. Выбор со стороны подозрительного царя на митрополию человека из боярского рода, заявившего себя против его матери Елены, и притом человека твердого и благочестивого, может быть отнесен к противоречиям натуры царя Грозного. «Иоанн не в мире сам с собою; он чувствует свою душевную немощь, которая временно обуревает лучшую его природу, а между тем в нем глубоко укоренено уважение к священному сану; посему ищет он праведника на кафедру святительскую, чтобы тот самым безмолвием своим как бы оправдал его мрачные деяния, будучи сам неукорителен в святой жизни»[42]. Но новоизбранный митрополит не оказался безмолвным. Раздалось грозное святительское слово обличения неправды Иоанновой; «худшее преодолело лучшее в смятенной душе» Иоанна, и, по его приказанию, святитель был свергнут с кафедры. 8 ноября 1568 г., когда св. Филипп совершал в Успенском соборе литургию, с шумом отворились церковные двери и в храм вошел Басманов (приближенный царя) с толпою опричников, держа в руках грамоту. «Ты не достоин святительского сана», – обратился он к св. Филиппу и приказал читать грамоту. По окончании чтения опричники бросились на архипастыря, сорвали с него облачения, надели на него бедное рубище и выгнали метлами из храма. Затем святителя на убогих санях отвезли в Богоявленский монастырь и заключили в темницу[43]. Здесь невинного страдальца, обремененного тяжкими оковами, морили голодом и холодом, а когда пришедшие в темницу приставники нашли его молящимся и освобожденным от оков, то поместили с ним голодного медведя. Десница Божия сохранила мученика невредженным. Но и такие дивные проявления благодати Божией не смягчили смятенной души Иоанна, и он, приписывая это чарам, приказал заточить святителя в Тверской Отроч монастырь. «В декабре 1569 г. двинулся Грозный с своею дружиною в Новгород. Путь лежал на Тверь. Не доезжая до города, Иоанн отправил к Филиппу злейшего из опричников – Малюту Скуратова, как бы за благословением. Филипп узнал страшного гостя и понял, зачем он пришел. Малюта подошел к нему и, смиренно кланяясь, сказал: „Владыко святый, подай благословение царю идти в Новгород“. Филипп отвечал: „Делай то, зачем ты пришел, а не кощунствуй“. Потом, устремив взор свой к святой иконе, он произнес последнюю на земле молитву: „Владыко Господи Вседержителю, приими мой дух с миром: пошли от пресвятой своей славы мирного ангела, ведущего меня к трисолнечному Божеству, чтобы начальник тьмы со своими силами не остановил меня в пути; не посрами меня пред Твоими ангелами и причисли меня к лику избранных; яко благословен во веки аминь“»[44]. Малюта бросился на святителя и подушкою задушил его (23 декабря 1569 г.). Затем, выбежав из келии, укорял настоятеля и приставников, говоря, что Филипп умер от угара, и тотчас же при себе приказал похоронить еще не остывшее тело святителя.

В 1566 г. (8 августа) при игумене Паисии обитель торжественно праздновала перенесение мощей преп. Зосимы и Савватия из их усыпальниц в новоустроенную во имя их придельную церковь при храме Преображения Господня. В похвальном слове, произнесенном по

---

[41] «Быть может, – пишет митр. Макарий, – Иоанн, оказав Филиппу столько знаков царского благоволения, рассчитывал, что Филипп охотно согласится быть в полной его воле и, занимая митрополитскую кафедру, будет постоянно держать его сторону и ни в чем не станет противоречить. Но такой расчет, если он только существовал, скоро оказался неверным». Ист. Русс. Церкви Макария, Архиеп. Литовского. Т. 6. Кн. 1. СПб., 1870. С. 297.

[42] Житие св. Филиппа. С. 87–88.

[43] Воскресный собеседник. Вып. VI. Сборник статей из истории христианской церкви. М., 1897. С. 103.

[44] Соловецкий патерик. С. 64–65.

этому случаю одним из иноков, так восхвалялась память преподобных: «Радуйтеся, преподобные отцы, Зосима и Савватий! Вы непроходимую пустыню сделали городом, собрали множество иноков. Ваша святая обитель славится вашим именем во всех концах русской земли. Из всех стран вы привлекли учеников и научили ревновать своему житию, просветили эту страну своим житием».

После настоятельства св. Филиппа[45] на долю последующих игуменов выпала трудная забота защищать монастырь и все Поморье от нападений шведов, впервые появившихся в 1571 г. О появлении шведов на Белом море немедленно же было донесено царю Иоанну Васильевичу Грозному. Царь с участием отнесся к положению беззащитной обители, и в 1578 году в настоятельство Варлаама (1571–1581) из Москвы был прислан в монастырь воевода Озеров с четырьмя пушкарями и десятью стрельцами с огнестрельным оружием и «зелием» (порохом)[46]. Ему было строго наказано оберегать монастырь и поморские владения, набрав в подкрепление себе из монастырских крестьян в стрельцы 100 человек. Пользуясь затишьем в военных действиях шведов, Озеров, с помощью настоятеля и братии, построил вокруг монастыря деревянный острог с башнями, расставив по башням привезенные пищали. С этого времени Соловецкая обитель стала как бы военною крепостью.

Приготовления к обороне монастыря были не напрасные. В 1579 г. «каянские немцы» (финляндцы) в большом количестве напали на Кемскую волость и произвели здесь «великое опустошение», причем сам воевода Озеров и его неопытные стрельцы были перебиты[47]. Нужны были очевидно решительные меры к упрочению безопасности монастыря и Поморья. Поэтому Феодор Иоаннович повелел монахам, обладавшим уже значительными собственными средствами, самим заняться укреплением обители каменною стеною, где бы, в случае опасности, могли укрыться поморцы со своими семьями. И вот, под надзором соловецкого игумена Иакова (1581–1597), по плану соловецкого постриженника монаха Трифона, на средства монастыря и трудами монастырских вотчинных крестьян была сооружена каменная крепость[48]. В окружности она имела более версты (509 саж.) и казалась неприступной и величественной. Серые кремнистые камни необыкновенной величины, собранные на Соловецком острове, были положены на стену в том виде, как их создала природа; их груды скрывали за собою, кроме церковных глав, весь монастырь и при первом взгляде могли подорвать всякую надежду неприятеля взять монастырь[49]. В это же время монахи с разрешения царя выстроили на свои средства две деревянные крепости в Сумской и Кемской волостях «для немецких людей воинского прихода». Крепости были снабжены военными людьми, военными снарядами и имели военный характер.

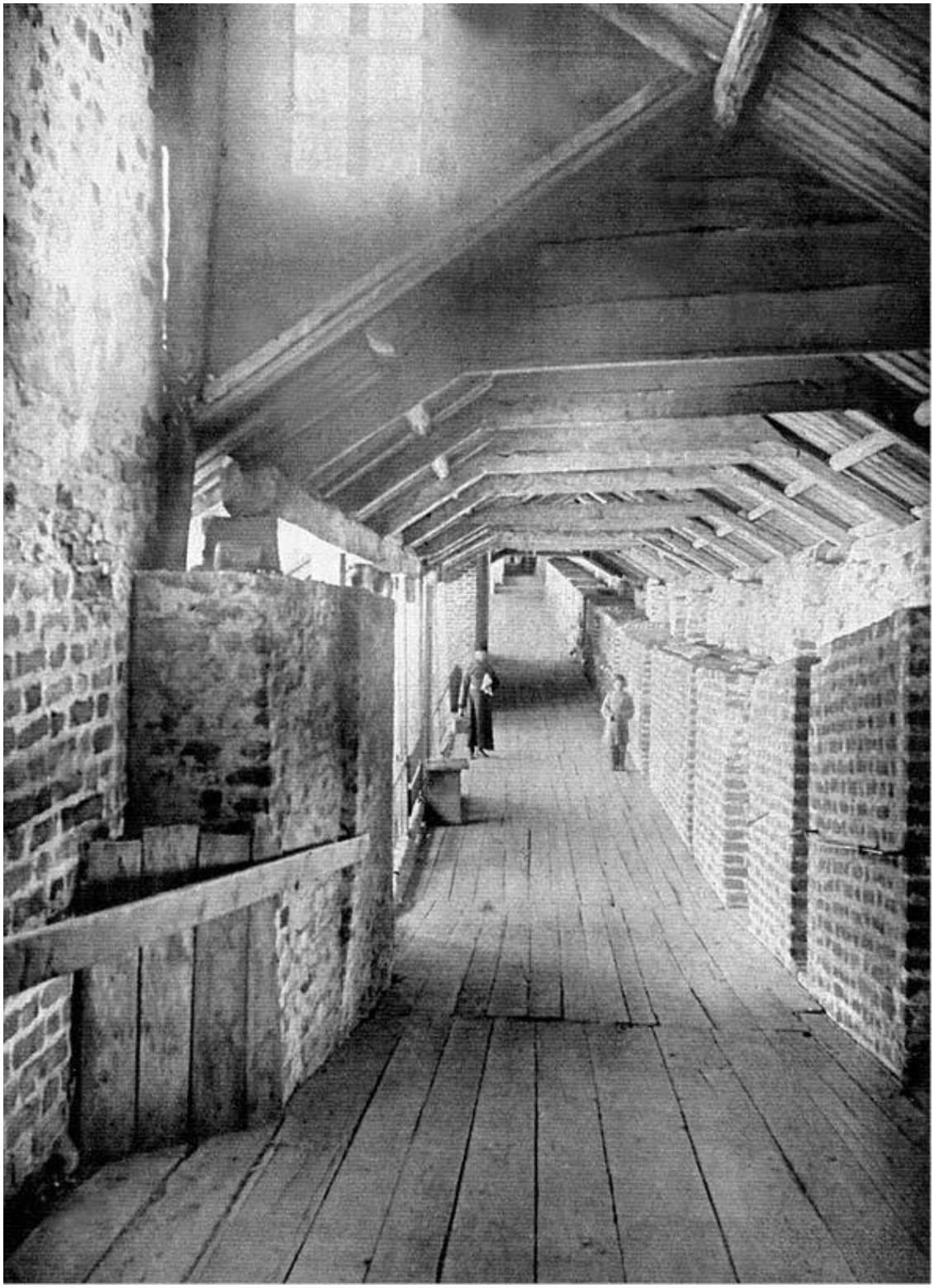
[45] После Филиппа настоятельствовал Паисий (1560–1570), сосланный потом за клевету на святителя Филиппа на Валаамский остров.

[46] Несмотря на гнев, обрушившийся на святителя Филиппа, а затем и на оклеветавших его соловецких монахов, царь Грозный продолжал милостиво относиться к обители, посылая вклады в нее и грамоты с просьбой о «богомолении на одоление врагов и общей за него молитве». Ист. опис. Сол. мон. архим. Досифея. Ч. 1. С. 83.

[47] Летоп. Сол. С. 39.

[48] Сырцова И. Я. Соловецкий монастырь пред возмущением монахов старообрядцев в XVII ст. С. 25.

[49] Крепость строилась 10 лет, с 1584–1594 гг., а по старинной хронике – 12 лет.

Крепостная стена Соловецкого монастыря

Таким образом, с этого времени Соловецкий монастырь сделался главным опорным пунктом, от которого исходила защита Северного Поморья: лишь только появлялись в Поморье враги, соловецкие стрельцы первые встречали их и бились с ними насмерть, до прибытия больших сил из Москвы. При настоятеле Иакове, в 1592 г., соловецкие стрельцы без помощи царских войск одержали славную победу над карельскими воеводами Магнусом и Иверстоном, бывшими в союзе «с заморскими немцами»; у последних они «воеводку большого убили и

многих людей, а иных ранили и языки у них поймали»[50]. Такое участие Соловецкой обители в защите Северного Поморья заставило шведов и норвежцев смотреть на нее как на оплот России на Крайнем Севере.

Стойкость и мужество соловецких защитников выразились особенно в Смутное время на Руси, повсеместно возмущенной Лжедимитриями и поляками.

Мужественный соловецкий игумен Антоний (1605–1613)[51] своими благоразумными действиями и осторожностью при переписке со шведскими военачальниками и шведским королем Карлом IX спас Соловецкую обитель от неприятельских козней, охранил мужественно русскую народность и православную веру в северном крае[52]. Переписка начата со стороны шведов. В 1609 г. шведский Улеаборгский воевода Исаак Бэм, уведомляя Соловецкого настоятеля о готовности своего короля Карла IX отправить в Россию вспомогательное войско, согласно договору, заключенному в Выборге с Василием Ивановичем Шуйским, спрашивал, кого он признает в России царем и желает ли он королевской помощи[53]. В другом письме в льстивых выражениях, советуя держаться законного царя Василия Ивановича Шуйского, тот же хитрый швед, прикрываясь маскою дружелюбия к России, открывает игумену, «большому чернецу», что прямое намерение поляков, приставших к Лжедимитрию, – ниспровергнуть в России православную веру и насадить свою, причем заботливо осведомлялся, признает ли он законным своего государя Василия Ивановича Шуйского, и услужливо предлагал помощь шведов[54]. В этой переписке слишком заметно проглядывает скрытое желание Карла IX воспользоваться смутой земли Русской с целью утвердить свое влияние в северно-русских владениях, привлекши на свою сторону сильную и авторитетную в северном крае Соловецкую обитель.

На все заискивания и коварно поставленные вопросы настоятель Антоний с достоинством отвечал в письме к Карлу IX от 12 марта 1611 года, показывавшему, что Антоний ясно понимал намерения шведов. «А хотят выбирати на Московское Государство, – писал он Карлу IX, – царя и великого князя из своих прироженных бояр, ково Всесильный Вседержи-

---

[50] Ист. опис. Сол. монастыря. Ч. III. Грамота игумену Иакову (XVII). С. 39. В настоятельство Иакова в 1591 г. в Соловецкий монастырь, по повелению Феодора Иоанновича, были перенесены мощи святителя Филиппа из Отроча монастыря и погребены под папертью церкви преп. Зосимы и Савватия.

[51] С 1597 до 1605 г. игуменом Соловецкой обители был Исидор, впоследствии митрополит Новгородский, заявивший себя в Новгороде, во время появления самозванца, грамотами, обличавшими происки самозванца Лжедимитрия, и предавший его проклятию. В его настоятельство Борисом Годуновым были пожалованы в монастырь денежные вклады и медь на колокол, который был вылит в 1600 г. и назывался «Борисовичем».

[52] Об участии Соловецкой обители в общегосударственном стоянии за веру и народность историки говорят очень мало или вовсе не говорят. Между тем сношения и обмен мыслей, происходившие между игуменом и шведскими военачальниками, очень интересны не для истории одной только Соловецкой обители, но и вообще для истории общерусской жизни.

[53] «Божиею милостью, – писал Исаак Бэм, – Пресветлейшего Велеможного высокорожденного князя и Государя Карлуса девятого, Свейского, Ходского, Вендейского… яз Исаак Бэм объявляю великому Сумскому воеводе (Сумским воеводою назывался Соловецкий игумен), что яз проведал, что в Руссейской земли ныне бытто есть две царей и Великих князей, а иные держатца из ваших с Васильем Ивановичем Шуйским, которого Патриарх, Митрополит, Бояре, Воеводи… Гости и торговые люди из всего Руссейского земле выбрали в цари… а иные есть позабыли веру и правду и крестное целованье и изменили старому Государю, а взяли иново одново, которого зовут Дмитрием, ново Поляки и Литвяне привезли в Руссейскую землю, а никто не ведает чей он за человек. Для того доведаюсе у тебя: с кем ти держится, – с Васильем ли Ивановичем Шуйским или с Дмитрием, ково Поляки и Литвяне посадили над вами Царем и Великим Князем? А митрополит, архиепископи… бояре и воеводи… гости и торговые люди всей Руссейской земле… просили подмоги у нашего Велеможного Короля против их недругов, а наш Велеможный Король хочет притти Руссейскому Государству на помочь против их недругов… Для того конешно хочу у тебя ведати, с кем ти держись и радиет ли нашего Велеможного Королевские подмоги; а у меня еси нашего Королевского Величества повеление и подлинный указ, что яз с нашим Велеможным Королевским с ратного силою притти к тебе на помочь, и объявляй мни: кто твой Царь и Великий князь есть, – и объявляй мни будет хочеж нашего Велеможного Короля подмоги…» Ист. опис. Сол. мон., 1609. Ч. I. С. 97–99.

[54] В третьем письме, присланном на имя игумена Антония от шведского военачальника Андрея Стоварта и Каянского воеводы Эрика Харэ, воевода Эрик Харэ уведомлял соловецкого игумена, что он имеет намерение с своими войсками следовать чрез поморские владения для соединения с главными силами Делагарди, будто бы для того, чтобы скрыть от поляков число войск, но по недостатку продовольствия не мог выполнить своего намерения. В 1611 г. прислано было от того же воеводы новое письмо игумену Антонию. Ист. опис. Сол. мон. Ч. I. С. 104–106.

тель Бог изволит и Пречистая Богородица, а иных земель иноверцев никого не хотят. А у нас в Соловецком монастыре и Сумском остроге и во всей поморской области тот же совет единомысленный: не хотим никого иноверцев на Московское Государство царем и великим князем, опричь своих прироженных бояр Московского Государства»[55]. «Неприятен был Шведскому королю, – замечает архимандрит Досифей, – этот патриотический ответ Соловецкого настоятеля». Время показало, насколько были искренни дружественные уверения шведских военачальников[56]. Они в то время, когда Делагарди, нарушив мирный договор, разорял Великий Новгород, напали на поморские монастырские волости в 1611 г. и подступили к Кольскому острогу, откуда, однако, были отбиты с уроном. В том же году они на судах переехали на острова Кузовы, отстоящие в 30 верстах от монастыря на запад, но, простоявши здесь долгое время, возвратились в свои места, а святая обитель, огражденная молитвами Зосимы и Савватия, была сохранена[57].

Давая мужественный отпор происками врагов на Крайнем Севере, Соловецкая обитель делала значительные денежные пожертвования на общегосударственные нужды. Так, в 1609 г. было послано Михаилу Скопину-Шуйскому 2000 р. на наем войск, а в 1610 г. царю Василию Ивановичу Шуйскому 3130 р. на жалованье служилым людям и для вспомоществования бедствующей от врагов столицы. Благодарный, он подтвердил грамотою прежние привилегии и права монастыря[58].

Во время настоятельства Антония, когда Соловецкая обитель наравне со всем русским народом переживала тяжелые испытания, Господь дивными явлениями своего всемогущества по предстательству преп. Зосимы и Савватия подкреплял веру братии. В 1604 г. устюжский земледелец Илия получил исцеление при мощах Зосимы и Савватия; в 1607 г. другой земледелец Новгородской области Савва, потерявший зрение в пятнадцатилетнем возрасте, прозрел по молитве преподобных Зосимы и Савватия. Пораженный чудом, он воскликнул: «Господи! Слава Тебе!» Ободренные и утешенные иноки в чувстве благодарности вознесли горячие молитвы к Всевышнему.

Враждебные действия шведов против Соловецкого монастыря прекратились с избранием на царство Михаила Феодоровича. Игумен Иринарх, преемник Антония, в 1614 г. заключил с шведами перемирие с тем, чтобы военные действия не начинались ни с той, ни с другой стороны без ведома русского государя и шведского короля.

Но ввиду возможности, несмотря на перемирие, что враждебные действия могли быть открыты шведами, Михаил Феодорович приказал озаботиться Соловецкому монастырю привести в оборонительное положение крепостные строения, находившиеся в ведении монастыря, увеличить число войск, как в обители, так и в Сумском и Кемском острогах, с содержанием их на монастырские средства. Чтобы выполнение этих предписаний не было тяжело для обители, значительно уже истощившей свои средства в Смутное время, государь грамотой 1614 г. отдал монастырю в вечное владение волость Шую Карельскую, подтвердив беспошлинную продажу 100 000 пудов ежегодно продаваемой монастырской соли; всех монастырских крестьян подчинил настоятелю, который и давал отчет в казенных доходах с вотчин в московском новгородском приказе.

---

[55] Ист. опис. Сол. мон. С. 107–108.

[56] Там же. С. 109.

[57] Летоп. Сол. С. 52.

[58] Во время настоятельства Антония в Соловецкий монастырь был прислан бывший казанский царь Симеон Бекбулатович (в магометанстве Едигер-Махмет). Принявши православие при царе Грозном, ослепленный по происками Бориса Годунова, он во время самозванца Лжедимитрия явился горячим защитником православной веры и русской народности, за что и был сослан в Соловки, где и пострижен под именем Стефана. Цит. по: Статья Колчина. Рус. Стар. Ноябрь. 1887. С. 351–352. Ист. опис. Сол. мон. С. 116–118.

В 1628 г. скончался кроткий игумен Иринарх, проживший последние два года своей жизни на покое; он оставил по себе память о своих добродетелях в обители, которая впоследствии стала прибегать к заступлению и молитвам преподобного, прославленного Господом в даре исцелений и чудотворений. Так, жители Двинской области, прибывшие в Соловецкий монастырь, рассказывали, что они вышли в море на двух лодках для ловли морских зверей. Наступившая вдруг сильная буря разъединила лодки, носила их по бурному морю и грозила гибелью сидевшим в них. Смущенные пловцы стали молиться об избавлении от неминуемой беды. После молитвы уснувшему кормчему явился во сне старец с крестом в руке, обратился к нему со словами: «Встаньте, молитесь Богу и призывайте на помощь Соловецких чудотворцев и скоро получите милость от Бога». На вопрос, кто он, старец отвечал: «Я игумен Соловецкого монастыря Иринарх». Такое же видение было и сидевшим в другой лодке. Скоро буря стихла, подул попутный ветер, по которому ладьи благополучно пришли к берегу, одна к месту, называемому «Калгуев Наволок», а другая к «Зимнему». Иринарх неоднократно являлся инокам и утешал скорбевших об его смерти; так – иеромонаху Вениамину, тужившему о разлуке с игуменом, преподобный Иринарх явился, как бы пришедши в келию, благословил его и сказал: «Сын мой, зачем ты скорбишь о мне? Я получил от Владыки Христа Бога нашего милость и нахожуся в покое. Ты не скорби о мне, а радуйся и подвизайся о своем спасении».

Преемником Иринарха в управлении обителью был игумен Макарий (1626–1632), соловецкий постриженик, переведенный из Палеостровского монастыря, ныне Олонецкой епархии.

При нем окончил жизнь в Соловецком монастыре знаменитый в отечественной истории келарь Троицко-Сергиевской лавры Авраамий Палицын. Когда наступило тяжелое Смутное время и поляки, пользуясь ослаблением России, утвердились в Москве, Авраамий вместе с архимандритом Дионисием грамотами в разные города старались возбудить общий патриотизм и склонить соотечественников к освобождению Москвы. Эти иноки были самыми деятельными помощниками Минину и Пожарскому в изгнании поляков. Цель их была достигнута. Авраамий имел утешение видеть, как по взятии Москвы и удалении иноземцев отечество начало укрепляться в силах и залечивать глубокие раны, нанесенные ему Смутным временем. Наконец, видя, с восшествием на престол Михаила Феодоровича Романова, государственный порядок, за который ратовал Авраамий, окончательно утвердившимся, он пожелал окончить жизнь свою там, где принял иноческое пострижение, вдали от житейской молвы, в уединенной и тихой Соловецкой обители. Здесь он провел последние семь лет, с 1620 по 1626 г., и умер 13 сентября. Авраамий погребен в монастыре, близ стены Преображенского собора, на южной стороне. Над могилой его тогда же положена из белого камня надгробная плита.

В настоятельство Макария братия была утешена явлением иконы Богоматери, названной Сосновскою; икона явилась в 1627 г. в 14 верстах от монастыря, на большой сосне. Часть сосны, на которой увидели икону, осталась в часовне, поставленной на месте события.

В 1632 г. игуменом Соловецкого монастыря был поставлен архимандрит астраханского Троицкого монастыря Рафаил, «человек», как аттестовал его патриарх Филарет, в грамоте «доброй и искусной и добродетелен и искусен в иноческом пребывании и всяких делах». Во время начавшейся войны с Польшею из-за притязаний короля польского на русский престол игумен Рафаил с братиею помогал разоренному Московскому государству деньгами; он послал сначала 10 000 р. на военные издержки, а затем еще 3852 р. в ответ на призыв общего собрания всех сословий государства к пожертвованию. Под 1635 г. соловецкий летописец отмечает необыкновенное возвышение воды в Белом море, причинившее много вреда монастырю. Благодарный обители за денежные вспомоществования царь Михаил Феодорович, по докладу патриарха Иосифа I, пожаловал Соловецкому монастырю Яренгский поморский погост с церковью, крестьянами и угодьями, три четверти Керетской волости, несколько сенных покосов и т. д. Вместе с этим он приказал, чтобы для «челобития монастырских дел впредь бы естя из Соловецкого монастыря не посылали, а посылали есте и велели нам бити челом об монастыр-

ских делах, о чем доведетца, Соловецкого монастыря строителю, который за монастырскими делами живет в Москве, старцу Анфиногену, чтобы в тех старческих посылках монастырю убытка не было»[59].

Проявляя царскую щедрость по отношению к Соловецкому монастырю, государь требовал от иноков примерной монашеской жизни, воздержания и скромности. В грамоте 1636 г., заявляя монастырю о нежелательных явлениях в иноческой жизни и о неудовлетворительном состоянии монастырского хозяйства, страдающего от недостаточной заботливости иноков о монастырских угодьях, он строго требовал устранения замеченных нестроений.

Деятельность Соловецкого монастыря на пользу отечества, постоянные вспомоществования разоренной государевой казне в борьбе с врагами отечества и заботливая охрана владений монастырских и всего Поморья от нападений врагов были ценимы московскими государями. Кроткий и религиозный Алексей Михайлович, желая выразить свое царское благоволение к обители, грамотою в 1651 г. возвел игумена Илию (1645–1660) в звание архимандрита, приурочив эту милость к царской семейной радости – рождению царевны и великой княжны Евдокии Алексеевны[60]. Новгородским митрополитом Никоном Илия был возведен в сан архимандрита с дозволением совершать богослужение «в шапке и с палицею, и с бедренником, и с ручным сулогом, и с рипидами, и с осеняльными свечами, и с ковром, и с полною архимандричьею службою»…

При самом вступлении Илии в управление монастырем случилось замечательное чудесное исцеление соловецкими угодниками боярского сына Григория Беленкова. В 1645 г. он, желая поработать по обету среди соловецкой братии, прибыл в монастырь. Однажды в зимнее время, во время ловли рыбы, он, напившись холодной воды, сильно простудился; у него началось воспалительное состояние, суставы онемели, на теле явились язвы, жилы свело, и, наконец, он лишился зрения. В таком состоянии утешением для Григория служила только молитва к преподобным заступникам и исцелителям болезней – Соловецким чудотворцам. Однажды, почувствовав облегчение, больной заснул и во время сна видит, что в его келию вошли два мужа. Став по сторонам больного, они подняли его, сказав: «Не бойся, становись на ноги и молись Богу; ты призывал нас на помощь, и вот мы пришли к тебе». Больной, думая, что это обыкновенные люди, сказал: «Не тревожьте меня, ради Бога, разве вы не знаете моей болезни?» – «Знаем, – отвечали они, – оттого и пришли к тебе; молись Богу, будешь здоров». Больной поднялся и сел на постели. Явившиеся взяли его под руки, говоря: «Становись на ноги, не бойся…» – и ноги больного выпрямились, слепота исчезла. Радостное сердце больного излилось в чувстве хвалы и благодарения Всевышнему, дивному во святых своих. В 1652 г. последовало перенесение в Москву мощей святителя Филиппа, открытых незадолго пред этим (1645). Для этого в монастырь прибыли Иван Никитич Хованский и новгородский митрополит Никон. С Никоном отправлена была царская молитвенная грамота к св. Филиппу, «Христову подражателю, небесному жителю, вышеестественному и плотскому ангелу, преизящному и премудрому духовному учителю, отцу отцев»[61], в которой правнук Грозного, преклоняя свой царский сан пред святителем, ставшим жертвою столкновения с царскою властью, молил святого мученика пришествием в Москву разрешить грех Грозного и упразднить поно-

[59] Ист. опис. Сол. мон. Ч. III. С. 127–130 (отд. I, XXXVIII).

[60] После игумена Рафаила, переведенного в 1636 г. в настоятели новгородского Хутынского монастыря, а в 1646 г. – хиротонисованного в архиепископа Астраханского, игуменами были Варфоломей (Коноплев) (1630–1639), исходатайствовавший у царя разрешение на продажу 130 000 п. соли без прибавки пошлин, Паисий (1639–1640) и Маркелл (1640–1645), назначенный впоследствии архиепископом Вологодским и Белозерским и завещавший похоронить себя в Соловецкой обители. О его преставлении архим. Варфоломей доносил Алексею Михайловичу в таких словах: «С того времени, как он привезен к нам в монастырь одиннадцать недель, а тело ничем не рушимо, а лице светло, дух же исходит от тела его добронравен».

[61] Выписка из записной книги Московского Успенского собора. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Свят. Прав. Синода. СПб., 1878. Т. 3. № 331/71.

шение, лежавшее на царской власти[62]. Тяжело и грустно было братии расставаться с останками любимого своего игумена, обновителя и небесного молитвенника обители; свою грусть иноки излили в нарочито составленном по случаю перенесения мощей гимне. «Не подобало бы тебе, о святитель Филипп, – пел монашеский хор, – оставлять твое отечество! Но должно к нам возвратиться, где ты духовно породился, где ты понес разнообразные труды богоносным отцам и где, наконец, воздвиг ты великолепные храмы во спасение иноков и к славословию Творца»[63]. С торжеством были встречены в Москве мощи святителя Филиппа и положены в Успенском соборе. Удаление мощей св. Филиппа из монастыря было как бы предвестником смут, возникших вскоре в Соловецкой обители. «Страдалец за правду не хотел присутствовать там, где отстаивали неправду против законной власти вооруженною рукою». Игумен Илия, как бы предчувствуя смуты, писал в 1646 г., по получении известия о вступлении на престол Алексея Михайловича, что в Соловецком монастыре мирские люди, всяких чинов стрельцы и вотчинные крестьяне не приведены к кресту, и посему просим сделать распоряжение о присяге, на что с присылкою формы присяги и последовало приказание доставить в Москву именной список принесших присягу государю.

При настоятеле архимандрите Илии, ввиду продолжавшихся военных действий с Польшею, послано было в Москву от обители заимообразно 13 000 р. с. на военные издержки. Вместе с этим обитель продолжала зорко следить за неприязненными действиями шведов, которым хотелось во что бы то ни стало овладеть Поморьем и нанести удар отпускной торговле Архангельского порта за границу, – донося о всяких подозрительных действиях их государю для соответствующих с его стороны распоряжений. Нападение шведов в 1658 году на Поморье с успехом было отбито царскими стрельцами.

При преемнике Илии, настоятеле Варфоломее (1660–1666), по просьбе царя Алексея Михайловича было послано заимообразно государственной казне 20 000 р. серебром и 200 золотых на разные дела; за такую помощь государь изъявил монастырю особое царское благоволение и прислал от двора государева на всю Соловецкую братию 396 коврижек [64].

Но, откликаясь на государственные нужды, защищая по-прежнему Поморье от нападений врагов, Соловецкая обитель, к сожалению, за время настоятельства архимандритов Илии и Варфоломея должна была занести на страницы своей летописи грустное событие противления соловецких монахов церковной и гражданской власти по поводу введения новоисправленных церковно-богослужебных книг, но смуты, следовавшие за исправлением богослужебных книг, не затмили древней славы Соловецкой обители, которая, будучи избавлена от завладевших ею пришельцев, опять возвратилась к своему нравственному назначению.

Более полвека Соловецкий монастырь, защищая северную окраину от неприятельских вторжений, переживал напряженное состояние, отвлекавшее братию от иноческих подвигов, безмолвия и молитвенного служения Богу. Военные и мирские люди, наполнявшие монастырь в это тревожное время, разрушительно действовали на строй иноческой жизни, они вносили в нее дух мирской суеты, проникавшей в обитель тем легче, что при многочисленности монастырской братии среди истинных ревнителей благочестия были люди лицемерные, своекорыстные и злонамеренные.

Легко было сеять семена раздора, несогласия и беспорядков лицам, недовольным общественными порядками и сосланным в монастырь за громкое выражение этого недовольства «на смирение». Таковы были, например, ближайшие друзья и помощники московских книжных справщиков, люди небезупречной жизни и нравственности.

---

[62] Проф. Знаменский П. Учебное руководство по истории русской церкви. СПб., 1896. С. 247.

[63] Ист. опис. Сол. мон. Ч. I. С. 145.

[64] Летоп. Сол. С. 70.

При этих неблагоприятных условиях монастырской жизни в поведении некоторых из братий стали замечаться нежелательные явления. Игумен Илия, заботясь об исправлении усматривавшихся недостатков иноческой жизни и желая найти для этого поддержку у высшей власти, вскоре после своего вступления в управление доносил царю, что некоторые из братии, вопреки преданию преподобных Зосимы и Савватия, уносят в келию простой мед, который ставится в господские праздники и торжественные дни на трапезе, там приводят его в брожение и напиваются допьяна; отсюда как неизбежное следствие являлись ссоры, вражда и нежелание подчиняться строгим монастырским правилам. В царской грамоте 1647 г. строго повелевалось не держать по келиям опьяняющих напитков, а ослушников – наказывать. При жизни некоторых из братий, несообразной с монастырскими правилами, были приверженцы старых церковных обычаев и порядков, отсюда и то явление, что всякие распоряжения правительственной и церковной власти, клонившиеся к лучшему благоустройству монастырской жизни, находили себе слепых и невежественных противников. Неудивительно поэтому, что еще во время управления новгородской митрополией указания Никона на нестроения церковного чина, введения им церковного единогласия и обличения других беспорядков хотя и сопровождались угрозами властного митрополита, но вызывали ропот и недовольство. Недоброжелатели Никона, подобно ссыльному опальному князю Львову, бывшему начальнику печатного двора в Москве[65], впоследствии еще более раздули недовольство Никоном и его распоряжениями.

Немалое влияние оказало на неблагоприятное отношение соловецких монахов к делу исправления богослужебных книг и то, что для книжных исправлений в Москву был вывезен из Соловецкого монастыря грек Арсений, сосланный сюда для испытания образа мыслей, человек, не внушавший к себе доверия, двусмысленно отзывавшийся о греческой церкви и одобрявший будто бы некоторые мнения раскольников. К лицам, заявлявшим неудовольствие делу исправления богослужебных книг, примкнул и архимандрит Илия. Когда в августе 1657 г. были привезены в монастырь новоисправленные печатные книги, то монахи, созванные Илией, решительно отказались принять присланные книги, прибавляя, что они не станут причащаться даже от священников, которые захотели бы служить по новопечатным книгам. Однако решение не принимать новоисправленные книги было далеко не общим; в 1658 году священники Василий, Кирилл, Исидор и другие послали грамоту патриарху Никону, в которой обвиняли архимандрита Илию и его советников в утайке новоисправленных служебников и в решении отнюдь не принимать их и постоять за него (Илию), но партия благомыслящих иноков была не в состоянии противостоять мятежному духу братии, тем более что патриарх Никон жил в это время в Воскресенском монастыре не у дел и, следовательно, не мог оказать деятельной поддержки лицам, пославшим челобитную. Между тем партия, производившая смуты в монастыре, находила новую поддержку и одобрение в прибывавших в монастырь во множестве ссыльных; между ссыльными особенно выдавался Саввинский архимандрит Никанор. Любимец царя, но не пользовавшийся расположением патриарха Никона, честолюбец жаждал принять участие в совершавшейся церковной реформе; но Никон оставил его в тени за приверженность к старине; это оскорбило Никанора и естественно сделало его врагом Никона и его церковных преобразований. Поселившись в Соловецком монастыре, он в духе собственного настроения передавал братии все, с чем близко познакомился в Москве.

В 1659 г. архимандрит Илия умер и на его место был избран Варфоломей, умеренный приверженец старины. Споры о старых и новых книгах продолжали волновать соловецкую братию. Как человек нерешительный, он то подпадал под влияние противников исправления церковных книг, то из опасения кары высшей власти склонялся на сторону нововводных чинов;

[65] Из соловецкой челобитной, поданной царю в 1666 г., видно, что ссыльных, по преимуществу из попов и чернецов, находилось в то время в монастыре до 40 человек. Материалы для ист. раскола. Т. 3. С. 101.

в 1663 г. пытался приступить к церковным нововведениям, но потерпел неудачу и опять стал заботиться о сохранении в монастыре старых порядков. Тем не менее репутация защитника древнего благочестия для него была потеряна навсегда, тем более, что он был единомышленником старца Геронтия, заподозренного братией в еретичестве. Недовольные настоятелем подали на него жалобу, обвиняя его в дурном обращении с братией. В 1665 г. Варфоломей был вызван в Москву на собор 1666–1667 гг. Вместе с ним была отправлена от братии и челобитная с просьбой оставить все по-старому. Варфоломей не только не представил челобитной, но даже принес полное раскаяние в своей приверженности к старообрядчеству, за которое держались князь Львов, архимандрит Никанор, Фирсов, Герасим и др. В Москве решили расследовать дело; произвести следствие поручено было Сергию, архимандриту Ярославского монастыря; вместе с этим ему же поручено увещевать соловецкую братию к принятию новоисправленных богослужебных книг. Выбор следователя оказался неудачным. Следствие Сергия, «мужа гордого, яко же древний фараон, и велеречивого», не умиротворило братию. Его увещания принять новые книги остались бесплодными. «Новые веры и учения не приемлем, держимся преданий св. чудотворцев и за их предания хотим все умерети вожделенно». «Прежде до сего от Соловецкого монастыря вся русская земля всяким благочестием просвещалась и ни под каким зазором Сололовецкий монастырь не бывал, яко столп, и утверждение, и светило и свет сиял, вы ныне новой Вере от греков учитесь… а они и креститись не умеют», – отвечал архимандриту старец Геронтий от лица братии. Сергий сразу убедился в бесполезности своих дальнейших увещаний; и, отправивши келаря Савватия и князя Михаила Львова в Москву, сам направился туда же. На место Савватия братия избрала келарем будильника Азария, до фанатизма преданного старине, а казначеем иеромонаха Геронтия. Новое неутвержденное начальство отправило челобитную царю Алексею Михайловичу с мольбою не присылать им новых учителей и новых книг. Между тем в Москву были вызваны старец Герасим и Никанор[66]. Первый принес пред собором 1666–1667 гг. искреннее раскаяние, а последний притворное. Раскаяние Никанора и доверие, в которое он вкрался пред собором, ослабили силу донесений архимандрита Сергия. Правительство, уступая упорному ходатайству братии о перемене настоятеля, отставило Варфоломея от должности настоятеля. На его место настоятелем был избран архимандрит Иосиф, соловецкий постриженник; ему приказано было вместе с Варфоломеем отправиться в Соловки. Испросил позволение отправиться в монастырь и Никанор «во еже увещати Соловецкия отцы покорению патриарха и приятию новопечатных книг»[67]. Мятежные монахи, к которым присоединились еще бежавшие из шайки Стеньки Разина[68], получивши заранее наставление Никанора о приеме Иосифа и Варфоломея, первого не приняли, а у второго разорвали клобук и вырвали волосы. В свое оправдание монахи составили «сказку» с объявлением, почему они не принимают и новоисправленные книги, и послали царю «отписку», в которой извещали, что они не принимают архимандрита потому, что ему велено служить по новым служебникам, и просили оставить их в прежней вере, «больше того к нам учителей присылати напрасно, понеже отнюдь не будем прежней своей православной вере изменяти и предания апостольская и чину преподобных отец Зосимы и Савватия нарушать»[69]. Дело принимало серьезный оборот. Но

[66] Семен Денисов в «Истории о отцех и страдальцех Соловецких» пишет о Никаноре, что братия «умолила его… ехати к Москве во еже оутолити гнев царскии, воспламененный на обитель и оупросити жителем ее в древле церковных уставах стояти». Л. 24.

[67] «Вещию же самою (в действительности), – как пишет Семен Денисов, – к покаянию обратитися за преступление». Л. 25, оборот.

[68] «От Аввакумовых и Лазаревых арменоподражательных учеников, – пишет преосвященный Игнатий в третьем послании, – прибегоша нецыи на море, во страны северныя, на остров Соловецкий. И тако оную святую обитель Спасову и Пресвятые Богородицы, и преподобных отец Зосимы и Савватия Соловецких, со всем братством возмутиша… К тому же беснователному их арменоподражательству прибегоша в тую же обитель окаянного богоотступника и чародея, Донского казака и атамана Стеньки Разина с помощники воры из Астрахани». Ист. опис. Сол. мон. Ч. I. С. 150–151.

[69] Ист. опис. Сол. мон. Ч. I. С. 159–100.

Алексей Михайлович щадил монахов и сначала «за противность» повелел отнять у монастыря богатые береговые вотчины – 27 декабря 1667 года. Только когда он узнал подробно о положении дел и настроении братии в Соловецком монастыре от сотника Чадуева и архимандрита Иосифа, то решился принять строгие военные меры, отправив против непокорных войско в 1668 г. Монастырь тоже приготовился к обороне, сделавши запасы хлеба и оружия.

Московские воеводы – стряпчий Игнатий Волохов, стрелецкий голова Клементий Иевлев и стольник Иван Мещеринов – попеременно осаждали монастырь. Но они, имея неодинаковые инструкции от царя, а главное, неодинаковую энергию, вели осаду монастыря различно. Сам царь тоже постоянно колебался в применении решительных военных мер, – первым двум воеводам он дал не слишком строгие инструкции. Только Мещеринову повелено было «искоренить мятеж вскоре».

Монахи начали отстреливаться от царских войск в 1669 г. под руководством келаря Азария, архимандрита Никанора и Федюшки Бородина с товарищами[70]. Четыре года Волохов осаждал монастырь, но безуспешно. За эту безуспешность в исполнении поручения и разного рода злоупотребления Волохов был отозван в Москву[71], и на его место был назначен в 1672 г. Клементий Иевлев «для утеснения мятежников». Согласно воле царя Алексея Михайловича, он ограничился тем, что держал монастырь в осаде. Сам царь письмом своим обещал мятежникам простить все, если только они покорятся[72]. Но чем с большим послаблением действовал царь, тем сильнее сказывался фанатизм сопротивлявшихся: одни из них решили не молиться за царя, считая его слугою антихриста; другие же (Фаддей Кожевник) в неистовстве бросали кресты «с титлой», старые и новые печатные и письменные книги; принимались те и другие жечь и метать в море[73]. Царь увидел, наконец, необходимость строгих и решительных мер. Стольник воевода Мещеринов, сменивший по царскому приказанию Иевлева, имея в распоряжении 1300 стрельцов и строгий царский «наказ», действовал энергично и живо: построил батареи и «бился с ворогами, не щадя головы своей на многих вылазках»[74]. 23 декабря 1676 года сделан был общий приступ против монастыря, но безуспешно, так как монахи на вылазках сражались храбро, «насмерть» и геройски отражали стрельцов. Мещеринов от неудач приходил в отчаяние. Немало лет пришлось бы ему биться с мятежниками, если бы явившийся к нему из монастыря чернец Феоктист не открыл тайного прохода в монастырь. Светлые ночи долго препятствовали воспользоваться указанием Феоктиста. На 22 января 1677 г. случилась безлунная и с ненастной погодой ночь, чем и воспользовались осаждавшие; отряд стрельцов, проникший в монастырь тайным ходом, открыл Мещеринову монастырские ворота; монастырь после недолгого сопротивления мятежников был взят. Самые упорные фанатики и виновники мятежа (архимандрит Никанор, сотник Сашко) были казнены, менее виновные разосланы в разные монастыри, только раскаявшиеся получили царское прощение и были оставлены в обители[75].

Так кончилось Соловецкое возмущение. Неудачна попытка Семена Денисова увенчать ореолом мученичества соловецких мятежников в своей «Истории о отцех и страдальцех соло-

---

[70] «Стрельба началась, – показывал старец Митрофан, – от Никанора архимандрита да от служки Федюшки Бородина с товарищи, и он, Никанор, по башням ходит беспрестанно и пушки кадит и водою кропит и им говорит: „Матушки де мои галаночки, надежда де у нас на вас, вы де нас обороните“». Сырцов. С. 391.

[71] Дополнение к Акт. истор. СПб., 1885. Т. 5. С. 340, 348, 354. Летоп. Сол.

[72] Акты Экспед. Т. IV. № 191. С. 245–240.

[73] О том, что происходило в это время среди приверженцев раскола, мы знаем из рассказов Макария, бывшего после усмирения мятежа соловецким настоятелем, в котором главным образом участвовали пришельцы и сильные, овладевшие обителью и подстрекавшие мирную братию к мятежу из корыстных побуждений и слепой привязанности к старой вере и порядкам.

[74] Акты археогр. Эксп. Т. IV. № 215. С. 291; Сырцов. С. 30; Прав. Собес. 1881. Ч. III.

[75] Летоп. Сол. С. 75.

вецких», сделавшейся настольною книгою для чтения в каждом старообрядческом семействе[76]. По своему содержанию, по неточности сведений и тенденциозно-пристрастному освещению фактов эта «История» не заслуживает никакого доверия[77].

Первым игуменом после Соловецкого возмущения был архимандрит Макарий из Тихвинского монастыря; из разных монастырей были присланы и другие должностные лица.

Макарию пришлось много потрудиться для водворения порядка в обители и восстановления монастырского хозяйства, так как Соловецкое возмущение нанесло сильный ущерб благосостоянию монастыря: церковные и крепостные строения были повреждены и требовали починки; скот был истреблен; хлебные запасы в житницах истощились; многие крестьяне, жившие в монастырских вотчинах, оставив свои дома, разошлись по другим местам, соляные варницы запустели – словом, монастырское хозяйство пришло в упадок. Значительную помощь при приведении в порядок хозяйственных дел Соловецкая обитель получила от царя Феодора Алексеевича; он не помнил оскорблений и обид, нанесенных мятежниками его отцу, и по просьбе архимандрита Макария утвердил за монастырем в 1680 г. Красноборскую приходскую церковь с принадлежащими к ней крестьянами.

Наученное горьким опытом, как опасно оставлять без всякого государственного контроля Соловецкий влиятельный монастырь, правительство прислало на смену Мещеринова воеводу В. А. Волконского и дьяка Алмаза Чистого для приведения в известность наличного монастырского имущества и казны. Волконский со стрельцами простоял целый год, опасаясь, быть может, нового проявления недовольства среди братии.

---

[76] «На пространстве нашего Севера, – пишет преосвященный Игнатий, – едва можно встретить человека из простецов, который бы не сказал вам сколько-нибудь и как-нибудь об упоминаемых в челобитной и истории („о отцех и страдальцех соловецких“) подвигах Соловков, когда бы зашла речь о вере. Список с челобитной и истории увидите вы почти у всякого здешнего грамотного». Цит. по: Истина Солов. обители. С. 1–3. Люди, знакомые с состоянием раскола в Архангельской губ., заявляют, что причиной сильного укоренения раскола здесь послужило упомянутое сочинение С. Денисова, которое не только раскольники, но и православные, по своему невежеству, считают чуть не выше св. Евангелия. (Письмо отца Макарова ректору семинарии архимандриту Донату; Сырцов. С. 6–7. Прав. Собес. 1880. Ч. I.)

[77] См.: История русской Церкви Филарета, архиепископа Черниговского. Период третий. Изд. 3. М., 1875. С. 173, прим. 393, 383, 387 и др. Ист. опис. Сол. мон. архим. Досифея. Ч. I. С. 168, прим. а.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.